УДК 82.091: 82.13

“EX ORIENTE LUX” В ТВОРЧЕСТВЕ А. Т. ТВАРДОВСКОГО: «СВЕТ ВСЕМУ СВЕТУ!» А. Т. ТВАРДОВСКОГО И ЦИКЛ Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ПЕТЕРБУРГ»

“EX ORIENTE LUX” IN OEUVRE A. TVARDOVSKY: “LIGHT ALL AROUND THE WORLD!” OF A. TVARDOVSKY AND THE CYCLE OF B. PASTERNAK “PETERSBURG”

©Кузина Н. В.
канд. филол. наук
Российский научно–исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
г. Москва, Россия, nvkuzina@mail.ru
©Kuzina N.
PhD, Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
Moscow, Russia, nvkuzina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос об отражении в советской лирике историософских и эстетических идей серебряного века. Доказывается факт присутствия в творческом сознании А. Т. Твардовского идей восточничества, отголосков историософских идей В. С. Соловьева, интертекстуальных влияний лирики Б. Л. Пастернака.

Abstract. The question of reflection in the Soviet lyrics of historiosophical and esthetic ideas of poetry of the beginning of the XX century is considered. The fact of presence at creative consciousness of A. T. Tvardovsky of ideas of eurasianism, echoes of historiosophical ideas of V. S. Solovyov, intertextual influences of lyrics of B. L. Pasternak is proved.

Ключевые слова: историософия, евразийство, освоение Сибири, смоленская поэтическая школа, советская поэзия, символизм, петербургский миф.

Keywords: historiosophy, eurasianism, development of Siberia, Smolensk poetic school, Soviet poetry, symbolism, St. Petersburg myth.

Творчество А. Т. Твардовского, ориентированного на художественные традиции XIX в. и далекого от экспериментов в области поэтической формы, на самом деле множеством нитей связано с творчеством поэтов и писателей начала XX в. Во-первых, нужно упомянуть литературно–критические статьи и заметки в «Рабочих тетрадях», посвященные их творчеству; во-вторых — аллюзии на произведения этих авторов в прозе и поэзии Твардовского.

По нашим наблюдениям, связь с текстами начала века в лирике Твардовского возникала прежде всего тогда, когда поэт подводил итог очередного периода своей жизни, когда в его творчестве особенно значимой становилась тема пройденного пути или тема судьбы России.

В такие моменты Твардовскому оказывались близки и придерживавшиеся иных, чем сам поэт, эстетических принципов авторы.

Остановимся на случае не вполне очевидной, на первый взгляд, связи стихотворений Твардовского с текстами В. С. Соловьева и Б. Л. Пастернака.

Пастернака Твардовский ставил очень высоко, дорожил его положительным отзывом о «Стране Муравии». В высказываниях поэта необходимо особо отметить две мысли, определившие, как нам кажется, особенности восприятия пастернаковской традиции. По многим параметрам Твардовский считал Пастернака своим антиподом. Основными причинами были две — сложность текстов Пастернака и его ориентация на европейскую культуру. Твардовский писал, например, что у Пастернака «подчас небольшое лирическое стихотворение требует «ключа» для расшифровки заложенных в нем «многоступенчатых» ассоциативных связей, намеков, иносказаний и умолчаний» [17, т. 5, с. 161]. В большой работе «Поэзия Михаила Исаковского» (1949–1969) талант Пастернака был определен автором как «яркий и своеобразный», но отмечалось, что поэт видит мир с точки зрения «интеллигентных горожан», иначе, чем крестьянин, работающий на земле [17, т. 5, с. 222]. С другой стороны, Твардовский констатировал существенное влияние Пастернака на современную поэзию и считал необходимым популяризировать его творчество. В тридцатые годы Твардовский писал о значимости и для себя поэтической традиции Пастернака, отмечая при этом не всегда удачные собственные попытки уйти от подражательности. Например, свою книгу стихов, вышедшую в 1933 году, он в предисловии оценивал так: «Снижение было одним из основных принципов моего «новаторства». Это снижение, обесцвечивание распространялось и на самые высокие факты советской действительности, которые я пытался описывать. И даже, говоря о положительных сторонах этой работы, о том, что она противопоставлялась внешней поэтичности огромной массы стихов, акмеистическим мотивам, подражательности, Пастернаку <…>, — я должен сказать, что отрицательные следы ее очень заметны и на некоторых произведениях, составивших эту книгу» [17, т. 5, с. 9]. В шестидесятые годы Твардовский, читая присылаемые ему стихи других, молодых поэтов, видел в этих текстах связи с поэзией Пастернака [17, т. 6, с. 228], отмечал, что длительное отсутствие переизданий текстов Пастернака вредит русской литературе. В писательской среде, по воспоминаниям крупнейшего стиховеда и исследователя русской литературы профессора В. С. Баевского, говорили, что если бы ко времени окончания Пастернаком «Доктора Живаго» Твардовский был бы главным редактором «Нового мира», роман наверняка был бы напечатан в России, и именно в этом журнале.

Есть основания полагать, что на Пастернака могут быть ориентированы, в том числе и на уровне поэтической формы, некоторые послевоенные поэтические тексты Твардовского. Имеется в виду прежде всего стихотворение «Свет — всему свету!», входящее в цикл стихов о Сибири, создававшийся в конце 1940-х — 1950-е г. г. [18], и связанное, как показывает произведенный анализ, с циклом Пастернака «Петербург», в первую очередь — с третьей и первой его частями [14].

А. Т. Твардовский

Свет — всему свету!

Звонкой и жесткой
Осенью ранней
Видел я это

В лесном Предуралье.

Через отлогий
Увал каменистый
Просека вдаль
Уносилась, как выстрел.

И на далеком
Ее протяженье —
Дымы, дымки,
Копошенье, движенье,

Музыка, гомон,
Урчанье моторов.
Табор — не табор,
Город — не город.

Горное эхо
С гомоном слитно.
— Дай подойдем,
Поглядеть любопытно,

У котлованов —
Люди, повозки.
Черные, красные
С цифрами доски,

Радиорупор,
Сигнальные флаги.
Шумный рабочий
И праздничный лагерь.

Трактор и тачка,
Лом и лопата.
Бабий платок
И пилотка солдата.

Комбинезон
И треух деревенский.
Всяческий люд,
Но особенно женский.

Девушки в ватниках,
В обуви грубой.
Щеки пылают,
Обветрены губы.

С ними в ряду
За работой суровой
Мужние жены,
Солдатские вдовы.

Мерзлая глина
Звенит под киркою.
Дело не легкое,
Дело мужское.

Но, погляди,
Управляются быстро,
Искрами брызжется
Грунт каменистый.

Но, погляди
На девчонок — не чудо ль?
Что за веселая,
Дружная удаль!

Вот на минутку
Спины расправят,
Прядки волос
Под косынку заправят,

Лица утрут —
И опять за лопаты.
— Хватит курить,
Мужики и ребята!

Головы в яме —
Вровень с краями.
Столб, как орудие,
Движется к яме.

Глина нарытая —
Груда на груде.
— Здравствуйте!
— Здравствуйте,
Добрые люди.

Глазом окинь:
— Да откуда их столько?
— А из деревни, —
Народная стройка.

— Лихо копаете!
— Так и копаем.
Так и копаем,
Свет добываем.

Свет добываем,
Выводим на трассу,
Что-то мы вас
Не видали ни разу?

— Может, артисты?
Спойте!
Спляшите!
Ах, журналисты!
Ну, так пишите!

Вот и пишите,
Как мы копаем,
Лес прорубаем,
Свет добываем.

Все чтобы точно.
А мы почитаем,
Как мы копаем,
Свет добываем.

И, повторенное
Тысячеустно,
Слово гремит
По горам захолустным.

Слово звучит
Над разбуженным краем:
— Свет добываем!
— Свет добываем!

Селам, и школам,
И сельсовету.
И всему свету!
И всему свету!

1949

Б. Л. Пастернак

Петербург

Как в пулю сажают вторую пулю
Или бьют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.

О, как он велик был! Как сеткой конвульсий
Покрылись железные щеки,
Когда на Петровы глаза навернулись,
Слезя их, заливы в осоке!

И к горлу балтийские волны, как комья
Тоски, подкатили; когда им
Забвенье владело; когда он знакомил
С империей царство, край — с краем.

Нет времени у вдохновенья. Болото,
Земля ли, иль море, иль лужа, —
Мне здесь сновиденье явилось, и счеты
Сведу с ним сейчас же и тут же.

Он тучами был, как делами, завален.
В ненастья натянутый парус
Чертежной щетиною ста готовален
Врезалася царская ярость.

В дверях, над Невой, на часах, гайдуками,
Века пожирая, стояли
Шпалеры бессонниц в горячечном гаме
Рубанков, снастей и пищалей.

И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни дядек, ни бар, ни холопей,
Пока у него на чертежный подрамок
Надеты таежные топи.

* * *

Волны толкутся. Мостки для ходьбы.
Облачно. Небо над буем, залитым
Мутью, мешает с толченым графитом
Узких свистков паровые клубы.

Пасмурный день растерял катера.
Снасти крепки, как раскуренный кнастер.
Дегтем и доками пахнет ненастье
И огурцами — баркасов кора.

С мартовской тучи летят паруса
Наоткось, мокрыми хлопьями в слякоть,
Тают в каналах балтийского шлака,
Тлеют по черным следам колеса.

Облачно. Щелкает лодочный блок.
Пристани бьют в ледяные ладоши.
Гулко булыжник обрушивши, лошадь
Глухо въезжает на мокрый песок.

* * *

Чертежный рейсфедер
Всадника медного
От всадника — ветер
Морей унаследовал.

Каналы на прибыли,
Нева прибывает.
Он северным грифелем
Наносит трамваи.

Попробуйте, лягте-ка
Под тучею серой,
Здесь скачут на практике
Поверх барьеров.

И видят окраинцы:
За Нарвской, на Охте,
Туман продирается,
Отодранный ногтем.

Петр машет им шляпою,
И плещет, как прапор,
Пурги расцарапанный,
Надорванный рапорт.

Сограждане, кто это,
И кем на терзанье
Распущены по ветру
Полотнища зданий?

Как план, как ландкарту
На плотном папирусе,
Он город над мартом
Раскинул и выбросил.

* * *

Тучи, как волосы, встали дыбом
Над дымной, бледной Невой.
Кто ты? О, кто ты? Кто бы ты ни был,
Город — вымысел твой.

Улицы рвутся, как мысли, к гавани
Черной рекой манифестов.
Нет, и в могиле глухой и в саване
Ты не нашел себе места.

Волн наводненья не сдержишь сваями.
Речь их, как кисти слепых повитух.
Это ведь бредишь ты, невменяемый,
Быстро бормочешь вслух.

1915

Стихотворение Твардовского, на первый взгляд, тематически не имеет явных точек соприкосновения с циклом Пастернака. Если Пастернак пишет о творческом порыве сильной личности, Петра, творящего историю, о строительстве нового города, о вхождении России в цивилизованный европейский мир, то Твардовский создает проникнутый социалистической идеологией текст о сплочении человеческой массы в коллективном труде, прежде всего — о работе женщин, о сооружении линии электропередач на Урале.

Однако тематические и идеологические различия не исключают близости текстов, о которой свидетельствуют следующие факты.

В обоих текстах речь идет о создании из хаоса, стихии некоей рациональной (техногенной) конструкции, о деятельности человека–творца, в процессе которой осваивается, пересоздается девственный природный мир — изначально чужое, покоряемое балтийское / уральское естественное пространство. Оба топоса осмысливаются в целом в литературной и фольклорной традиции, и в двух данных случаях в частности, как пространство границы между двумя мирами (Европой и Россией, европейской частью России и ее азиатской частью).

Твардовский наследует характерный для поэтики Пастернака прием: частное бытовое событие, изображенное в тексте, воспринимается как символическое, судьбоносное, его описание переводится на уровень обобщений. По такому принципу были ранее построены многие тексты Пастернака, например «Урал впервые», «На пароходе», «Весенний дождь», «Ожившая фреска» и др.

Оба текста сохранили на себе следы влияния на авторов одних и тех же историософских концепций судьбы России — идей восточничества и евразийства.

Восточничество [16] стало важной чертой государственной идеологии еще в конце XIX в., когда у русской общественности появилась мысль о необходимости сближения в области культуры и политики с неевропейским миром. Поворот к Востоку был подготовлен в том числе и распространившимися идеями о надвигающемся кризисе западной цивилизации. Россия начала определяться как не европейская, или, по крайней мере, пограничная, двойственная по своей сути страна [1, 9, 11, 16].

Идеология евразийства, как известно, сформировалась уже после революции в среде русских эмигрантов. Основное положение евразийцев весьма упрощенно можно выразить так: Россия есть страна, совмещающая в себе европейские и азиатские черты, но не сводимая к сумме этих черт, эти черты слиты в ней в нерасторжимое единство [2, 12].

Все эти идеи многократно отобразились в литературе первых двух десятилетий двадцатого века [9]. Рядом с пушкинским образом «окна в Европу» появляется образ «окна в Азию» (например, в поэме В. Хлебникова «Хаджи–Тархан»). Популярными становятся образы Востока и восточной культуры, а также скифов, кочевников, степи. Как место возможного синтеза западного и восточного, рационального и стихийного элементов в России у разных авторов в это время описываются бывшие окраинные русские земли — Урал, Запорожье, Астрахань, топосы Саратовской, Тамбовской и других южных губерний, Грузия и т. д.

Многие черты идеологии предреволюционной эпохи и идеологии, сформировавшейся в среде эмигрантов, как это не парадоксально, были использованы и при советском строе. Д. Схиммельпэннинк, например, отмечает: «Новый режим стал прививать своему народу новыми словами, но старую мысль о единстве его интересов с интересами народов Азии в общей борьбе с «гнилым» буржуазным Западом. Миру отводилась роль по-прежнему ждать «света с Востока»» [16, с. 33].

Кульминацией в развитии этих историософских идей в советской России, по мнению Н. Г. Федоровского, стала вторая половина 1940-х и последующие годы [1, с. 15].

Как русская интеллигенция, традиционно ориентированная на западноевропейскую культуру, в конце XIX — начале XX в. в., особенно в период первой мировой войны, пережила разочарование в оценке Европы, так и в советской России после начала второй мировой войны произошел подобный переворот. Внешняя политика Советского Союза этого времени ориентирована на контакт с восточными странами, одна из главных идей внутренней политики также тесно связана с восточничеством [1, 16] — это освоение Сибири и южных степных земель. Об особом внимании к данным территориям свидетельствуют не только усилившиеся политические интересы СССР в связи со странами Востока и не только начавшиеся большие социальные проекты освоения восточных и сибирских территорий внутри страны, но и, например, популяризация научных знаний о них. В частности — издание трудов и предпринятых более полувека назад экспедициях в мало знакомые российским путешественникам районы [3–6].

Восточнические и евразийские идеи оказали существенное влияние на творчество Пастернака [9]. В цикле «Петербург», вполне в духе идей начала века, он рассматривает деятельность Петра как неудавшуюся попытку установить в России гармоничное единство западного и восточного начал.

Освоение юго–восточных русских территорий в текстах Твардовского конца 1940-х — начала 1950-х г. г., как и в русской литературе середины века в целом, в свою очередь эксплицитно связывается с воспоминаниями о Петре (очерк «На Ангаре», поэма «За далью — даль») [8].

Описывая, например, «тяжелые скальные глыбы», используемые при строительстве Иркутской ГЭС в очерке 1959 г. «На Ангаре», Твардовский отмечает, что они «в шутку и не в шутку сравнивались приезжими зрителями с тем камнем, на котором возвышается в Ленинграде фальконетовский Петр» [17, т. 4, с. 484–485].

В поэме «За далью — даль», говоря о соединение Запада и Востока, о строительстве Волго-Донского канала на юге России и сети водохранилищ, соединивших в конечном счете Балтийское море с Черным, Твардовский также упоминает Петра [18, с. 225].

Рассматриваемые тексты Пастернака и Твардовского объединяет общая идея попытки осуществления синтеза в России между наукой, планом, западным началом, цивилизацией и началом естественным, стихийным, природным, хаотическим. Только у Пастернака в тексте это соединение происходит в топосе, близком Европе, а у Твардовского — в топосе, который расположен на границе с восточным пространством.

В обоих случаях в названных топосах объединяются традиционно противостоящие друг другу способы социального устройства. У Пастернака строящий город на Неве Петр знакомит «С империей — царство, край с краем», у Твардовского в Предуралье, где идет строительство, совмещается кочевое начало и начало цивилизации:

Музыка, гомон,
Урчанье моторов.
Табор — не табор,
Город — не город.

На уровне поэтической формы о связи текстов Пастернака и Твардовского свидетельствуют следующие факты.

Оба поэта в центр текста ставят образы строительства, деятеля, его ведущего и природного пространства, где разворачивается строительство.

Оба поэта в лирике используют элемент повествования и элемент прозаизации (и через введение повествовательности, и через снижение языка).

Оба топоса обладают сходными характеристиками. Изначально это естественное природное пространство. У Пастернака местом событий названы «таежные топи», у Твардовского — лес. Однако топосы изменяются, осваиваются, преображаются человеком. В обоих случаях в текстах описаны приметы стройки, бытовые детали. Оба текста насыщены технической лексикой, обозначениями инструментов, механизмов и иных приспособлений для строительства. У Пастернака названы: готовальни, рубанки, снасти, пищали, чертежный подрамок, чертежный рейсфедер, грифель, доки, прапор. У Твардовского названы: моторы, повозки, радиорупор, сигнальные флаги, трактор, тачка, лом, лопата, кирка.

У обоих поэтов в сильной позиции (у Твардовского — во второй строфе стихотворения, у Пастернака — в первой строфе первого фрагмента цикла) помещен достаточно редкий в русской поэзии образ [13]: «прямая линия улицы или просеки — траектория пули, выстрела» (признак сравнения: линия, проведенная человеком и делящая ландшафт так точна, как траектория пули):

Как в пулю сажают вторую пулю
Или бьют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.
(Б. Л. Пастернак)

Через отлогий
Увал каменистый
Просека вдаль
Уносилась, как выстрел.
(А. Т. Твардовский)

Однако у Пастернака, как уже было отмечено, в качестве деятеля выступает сильная личность, Петр, а у Твардовского — подробно описанный «всяческий люд», весь народ. Можно сказать, что данное различие объяснимо идеологически. В советскую эпоху глобальные стройки — удел не царей, но коллективного труда. Акценты смещены: не насилие тирана, принуждающего коллектив к работе, а добрая преобразовательская воля «людей труда» (вспомним хотя бы мифологизацию в советской литературе названия Братской ГЭС).

В обоих случаях поэты используют тонический стих — дольник, что для Твардовского, ориентировавшегося на классическую силлабо–тонику, само по себе является необычным.

Однако между текстами есть и небольшие расхождения, связанные, в первую очередь с тем, что Твардовский делает форму стихотворения менее разнообразной. Так, он использует только четырехъиктный дольник, и разбивает стих на две двухъиктных строки, например:

Через отлогий
Увал каменистый
Просека вдаль
Уносилась, как выстрел.

И на далеком
Ее протяженье —
Дымы, дымки,
Копошенье, движенье.

У Пастернака первый фрагмент, на уровне стиха менее повлиявший на текст Твардовского, написан стихами четырехъиктного и трехъиктного дольника, а третий, как нам кажется, более повлиявший в ритмическом отношении на стихотворение «Свет — всему свету!» — двухъиктным дольником. Ритм третьего фрагмента напоминает ритм стихотворения Твардовского:

Каналы на прибыли,
Нева прибывает,
Он северным грифелем
Наносит трамваи.

Попробуйте, лягте-ка
Под тучею серой,
Здесь скачут на практике
Поверх барьеров.

Для текста Твардовского характерны женские клаузулы, для текста Пастернака — женские и дактилические.

Еще в тридцатые годы Твардовский говорил о снижении фактов действительности, как основной черте собственного стиля. Лексический состав текста Твардовского оказывается несколько снижен по сравнению с текстом Пастернака, в тексте которого, впрочем, уже присутствовали стилистически сниженные формы («мамки», «дядьки», «бары», «холопи»). У Твардовского появляются другие более присущие разговорному стилю, а иногда и просторечию, формы: «гомон», «мужние», «мужики», «девчонки», «бабий», «люд», «дай подойдем», «не видали ни разу», «захолустный», частица «ну».

Тексты объединяет выраженное сходство на уровне синтаксиса.

Характерная черта текста Твардовского, вполне возможно, позаимствованная из первого фрагмента цикла Пастернака — обилие перечислений, чаще всего однородных подлежащих или назывных предложений. В обоих случаях перечисляются обычно противопоставляемые, воспринимаемые как антонимичные, но объединенные, уравненные в данном контексте элементы. Например, у Пастернака:

Болото, земля ли, иль море, иль лужа, —
Мне здесь сновиденье явилось, и счеты
Сведу с ним сейчас же и тут же.

Твардовский нагнетает перечисления того же типа, что и у Пастернака, однако повторяющаяся лексика меняется. Один из примеров перечислений у Твардовского:

У котлованов —
Люди, повозки.
Черные, красные
С цифрами доски,

Радиорупор,
Сигнальные флаги.
Шумный рабочий
И праздничный лагерь.

Трактор и тачка,
Лом и лопата.
Бабий платок
И пилотка солдата.

Комбинезон
И треух деревенский.
Всяческий люд,
Но особенно женский.

Эта синтаксическая особенность текстов, очевидно, значима для выражения их основной идеи: как топосы, где происходят события, являются пограничными, объединяющими противостоящие миры, так и на правах однородных членов объединяется лексика, в обычной речи чаще всего не сопоставляемая.

В обоих случаях присутствует установка на диалог: у Твардовского присутствует диалог журналистов (в затексте одним из них является сам поэт) со строителями, у Пастернака — риторическое обращение со стороны автора к деятелю — Петру.

В тексте Твардовского присутствует скрытая полемика с текстом Пастернака. Пастернак констатирует невозможность установления гармонии между европейским рациональным началом и русским стихийным. Творцу — Петру, как показывает в цикле «Петербург» Пастернак, не удалось сделать Россию европейской страной, не удалось гармонично соединить в ней Запад и Восток, цивилизацию и природу. Стихийное, природное начало берет верх в творце и окружающем его мире. Например:

Волн наводненья не сдержишь сваями.
Речь их, как кисти слепых повитух.
Это ведь бредишь ты, невменяемый,
Быстро бормочешь вслух.

У Твардовского идея стихотворения оказывается подчиненной государственной идеологии с ее культом коллективизма и поворотом в сторону Востока: синтез цивилизации и девственной природы осуществлен силой коллективного труда и происходит это на границе с азиатской территорией России. Результатом этого коллективного труда становится свет, приходящий к миру из пространства, являющегося пограничным между европейской Россией и Сибирью [7].

Мотив рождения света на востоке является в русской литературе маркированным. Само слово названо в стихотворении в общей сложности 10 раз [19]. В тексте особо подчеркнута связь слова «свет» с описанным топосом:

И, повторенное
Тысячеустно,
Слово гремит
По горам захолустным.

Слово звучит
Над разбуженным краем <...>

Название текста Твардовского в стилистическом отношении неожиданно может толковаться не только как одна из фигур — антанаклаза (повторяется в разных значениях слово «свет» — в значении «освещение», «просвещение» и как синоним слова «мир»), но и как сниженное видоизмененное воспроизведение воспринятой буквально известной историософской формулы «Ex oriente lux», уже использованной в качестве названия стихотворения у существенно повлиявшего на трактовку восточной темы во всей русской литературе двадцатого века Владимира Соловьева [15, с. 64]:

Ex oriente lux

«С Востока свет, с Востока силы!»
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезею славною прошел?
То македонская фаланга,
То Рима доблестный орел.

И силой разума и права —
Всечеловеческих начал —
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви.

И слово вещее — не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаяся широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.

О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята,
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?
1890

Название стихотворения Твардовского читается почти как дословный (учитывая место действие, маркированное для русской культуры как граница с Азией и место возможного столкновения западной и восточной цивилизаций: см. «Скифы» Блока) перевод историософской формулы православия, несомого Россией, в стихотворении Соловьева. Однако традиционной в советское время была также и мессианская формула России как несущей, благодаря произошедшей в ней социальной революции, новую, истинную веру, т.е. истинный свет и освобождение (см. сопоставление революции 1917 г. с новой попыткой становления веры, Третьего Завета), в том числе и в виде электрификации, «лампочки Ильича». Твардовский как бы повторяет вопрос Соловьева о грядущих социальных перспективах России: «Каким же

хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса иль Христа?». При этом в стихотворении Твардовского дан однозначно трактуемый ответ на данный вопрос: Востоком света! Однако сопоставление в одном ряду таких разнящихся по наполнению понятий, как «сельсовет» и «весь свет» на правах ряда однородных членов, возможно, свидетельствует и о наличии иронической ноты…

Стихотворение Твардовского о строительстве линии, передающей свет, может быть также связано с повестью Б. Пастернака «Воздушные пути» и со статьей О. Э. Мандельштама (явно ориентированной на названное стихотворение Соловьева) «Гуманизм и современность» (1923). Прежде всего сближает текст Твардовского и идею статьи Мандельштама образ человеческой массы и неопределенность ее сущности (у Твардовского: «Табор — не табор, Город — не город»), а также образ социального строительства и вопрос о будущих перспективах России, у Твардовского как бы уже нашедший ответ (правда, через советизированную форму, восходящую к идее мировой революции). Мандельштам пишет: «Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать, как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабом человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает свое величие его унижением и ничтожеством.

Ассирийские пленники копошатся, как цыплята, под ногами огромного царя, воины, олицетворяющие враждебную человеку мощь государства, длинными копьями убивают связанных пигмеев, и египтяне и египетские строители обращаются с человеческой массой, как с материалом, которого должно хватить, который должен быть доставлен в любом количестве.

Но есть другая социальная архитектура, ее масштабом, ее мерой тоже является человек, но она строит не из человека, а для человека, не на ничтожестве личности строит она свое величие, а на высшей целесообразности в соответствии с ее потребностями.

Все чувствуют монументальность форм надвигающейся социальной архитектуры. Еще не видно горы, но она уже отбрасывает на нас свою тень, и, отвыкшие от монументальных форм общественной жизни, приученные к государственно–правовой плоскости девятнадцатого века, мы движемся в этой тени со страхом и недоумением, не зная, что это — крыло надвигающейся ночи или тень родного города, куда мы должны вступить.

Простая механическая громадность и голое количество враждебны человеку, и не новая социальная пирамида соблазняет нас, а социальная готика: свободная игра тяжестей и сил, человеческое общество, задуманное как сложный и дремучий архитектурный лес, где все целесообразно, индивидуально и каждая частность аукается с громадой.

Инстинкт социальной архитектуры, то есть устроение жизни в величественных монументальных формах, казалось бы далеко превосходящих прямые потребности человека, глубоко присущ человеческим обществам, и не пустая прихоть диктует его.

Откажитесь от социальной архитектуры, и рухнет самая простая, для всех несомненная и нужная постройка, рухнет дом человека, человеческое жилье» [10, с. 205–206].

Таким образом, подчиненное советской идеологии содержание стихотворения Твардовского сочетается с историософскими проблемами самоопределения России, особенно популярными и в начале XX в., и после второй мировой войны, а также с ориентированной на текст Пастернака формой.

В середине шестидесятых годов, на новом этапе своего творчества Твардовский вернется к полемике с Пастернаком и напишет стихотворение, где покажет противоборство разума, цивилизации и стихии в образах, близких четвертому фрагменту цикла Пастернака.

В стихотворении 1965 г. об Иркутской ГЭС снова конкретная ситуация будет выведена на уровень обобщений [18, с. 161]:

Как глубоко ни вбиты сваи,
Как ни силен в воде бетон,
Вода бессонная, живая
Не успокоится на том.

Века пройдут — не примирится, —
Ей не по нраву взаперти.
Чуть отвернись — как исхитрится
И прососет себе пути.

Под греблей, сталью проплетенной,
Прорвется — прахом все труды —
И без огня и без воды
Оставит город миллионный.

Вот почему из часа в час
Там не дозор, а пост подводный,
И стража спит поочередно,
А служба не смыкает глаз.

В первой строке улавливается еле заметная связь с тем же стихотворением «Петербург» Пастернака, ставшим подтекстом стихотворения «Свет всему свету!». В стихотворении сохраняется образ свай, противостоящих стихии, оппозиция «сваи» VS «город» VS «стихия» («вода») VS «дозор» («стража»), которая у Пастернака она имела вид «сваи» VS «город» VS «стихия» (вода) VS «Петр»:

Волн наводненья не сдержишь сваями.
Речь их, как кисти слепых повитух.
Это ведь бредишь ты, невменяемый,
Быстро бормочешь вслух.

Если в 1949 г. в стихотворении «Свет всему свету!» Твардовский оспаривал невозможность синтеза в России, то теперь соглашается с тем, что синтез невозможен.

Тогда Твардовский полемизировал с Пастернаком, теперь, в середине 1960-х, после смерти и кампании травли, Пастернак близок Твардовскому. Уже пожилой и предчувствующий собственную скорую гибель поэт, как известно, глубоко переживал тот факт, что подписал письмо против Пастернака, считая, что историософско–религиозный, проникнутый идеей смирения и задающий критерии высшей этики роман «Доктор Живаго» мог быть опубликован и в СССР.

Список литературы:

1. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией / сост. Н. Г. Федоровский. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1997.
2. Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

3. Козлов П. К. В азиатских просторах. Книга о жизни и путешествиях Николая Михайловича Пржевальского, первого исследователя природы Центральной Азии. М.: Молодая гвардия, 1947.

4. Козлов П. К. Монголия и Амдо и Мертвый город Хара–Хото. М.: ОГИЗ, 1948.

5. Козлов П. К. Монголия и Кам: Труды экспедиции императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 г. г. под руководством П. К. Козлова. М.: ОГИЗ, 1947.

6. Козлов П. К. Путешествие в Монголию. 1923–1926. Дневники. М.: Гос. изд–во географич. литературы, 1949.

7. Кузина Н. В. О трансформации и функционировании библейского подтекста в советской литературе: А. Т. Твардовский (40–60-е г. г.) // Смоленский говоры — Литературный язык — Культура: Сборник научных трудов. Смоленск, 2003. С. 239–251.

8. Кузина Н. В. А. Твардовский и серебряный век: к вопросу об интертекстуальных связях // Поиски и находки: Сборник работ, посвященных 70-летию доцента кафедры литературы и фольклора СГПУ И. Н. Антюфеевой. Смоленск, 2000. С. 70–84.

9. Кузина Н. В. Между Западом и Востоком: Судьба России и мировой цивилизации в русской литературе первой половины XX века: из учебных материалов к спецкурсу. Ч. 1. Смоленск, 2000. 84 с.

10. Мандельштам О. Э. Сочинения в 2 т. Т. 2. Проза. Переводы. М., 1990.

11. Мир России — Евразия. Антология / сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1995.

12. На путях: утверждение евразийцев. Книга 2. М.; Берлин: Геликон, 1922.

13. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. В 2-х т. М., 1999.

14. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. Л., 1990.

15. Соловьев В. С. Стихотворения и поэмы. М., 1973.

16. Схиммельпэннинк Д. Свет с Востока // Родина. №11, 1995. С. 30–33.

17. Твардовский А. Т. Собрание сочинений. В 6-ти т. М., 1978.

18. Твардовский А. Т. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 3. Стихотворения (1946–1970). Поэмы. За далью — даль. Теркин на том свете / примеч. А. Туркова и Р. Романовой. М., 1978.

19. Шаповалов Б. С. Частотный словарь послевоенной лирики А. Т. Твардовского // Русская филология. Ученые записки Смоленского государственного педагогического университета. 1999 г. / сост. и ред. О. А. Левченко, М. Л. Рогацкина. Смоленск, 1999. С. 206–248.

References:

1. Finding their way: Russia between Europe and Asia / Comp. N. G. Fedorov. 2nd ed., Rev. and ext. Moscow: Logos, 1997.

2. Exodus to the East: Premonitions and accomplishments. Adoption of the Eurasians. Sofia, 1921.

3. Kozlov P. K. In the Asian open spaces. The book is about the life and travels of Nikolai Mikhailovich Przewalski, the first explorer of nature in Central Asia. Moscow, Molodaya Gvardiya, 1947.

4. Kozlov P. K. Mongolia and Amdo and dead city of Hara–Hoto. Moscow: OGIZ, 1948.

5. Kozlov P. K. Mongolia and Kam: Proceedings of the expedition of the Imperial Russian Geographical Society, done in 1899–1901 gg. under the leadership of PKKozlov. Moscow: OGIZ, 1947.

6. Kozlov P. K. Travel to Mongolia. 1923–1926. Diaries. Moscow: State Publishing House geographic literature, 1949.

7. Kuzina N. V. About transformation and functioning of the biblical connotation in Soviet literature: Tvardovsky (1940–1960). Smolensk dialects — Literary Language — Culture: Proceedings. Smolensk, 2003, pp. 239–251.

8. Kuzina N. V. Tvardovsky and Silver age: on the question of intertextual links. The search and discovery: A collection of papers dedicated to the 70th anniversary of associate professor of literature and folklore I. N. Antyufeeva. Smolensk, 2000, pp. 70–84.

9. Kuzina N. V. Between East and West: the fate of the Russian and world civilization in the Russian literature of the first half of the XX century: from the training materials for the course. Part 1. Smolensk, 2000, 84 p.

10. Mandelstam O. E. Works in 2 v. V. 2. Prose. Translations. Moscow, 1990, pp. 205–206.

11. World of Russia — Eurasia. Anthology / comp. L. I. Novikov, I. N. Sizemskaya. Moscow, 1995.

12. On the Road: adoption of the Eurasians. Book 2. Moscow; Berlin, Helicon, 1922.

13. Pavlovich N. V. Glossary of poetic images. In 2 v. Moscow, 1999.

14. Pasternak B. L. Poetry and poems: In 2 v. Leningrad, 1990.

15. Soloviev V. S. Poetry and poems. Moscow, 1973.

16. Shimmelpennink D. Light from the East. Rodina, no. 11, 1995, pp. 30–33.

17. Tvardovskiy A. T. Collected Works. In 6 volumes. Moscow, 1978.

18. Tvardovskiy A. T. Collected Works. In 6 volumes. V. 3. Poems (1946–1970). Ed. A.Turkov and R. Romanova. Moscow, 1978.

19. Shapovalov B. S. Frequency Dictionary of postwar poetry Tvardovsky. Russian philology. Scientific notes of the Smolensk State Pedagogical University. 1999 / comp. and ed. O. A. Levchenko, M. L. Rogatskina. Smolensk, 1999, pp. 206–248.

Работа поступила в редакцию 19.05.2016 г.

Принята к публикации 22.05.2016 г.